

Кенийская дилемма: кто будет следующим президентом страны?

Проходящие в Кении каждые пять лет президентские и парламентские выборы регулярно сопровождаются нарушениями общественной стабильности в стране с самого начала периода политического плюрализма.

Принятая в 1991 г. поправка к конституции дала возможность различным создаваемым по этническому признаку партиям выйти на политическую арену, чтобы составить конкуренцию Национальному союзу африканцев Кении (КАНУ), ранее единственной партии в стране, в борьбе за власть. Однако попытки действовать в одиночку, опираясь на свой народ, неизменно обрекались на неудачу – ведь даже наиболее многочисленные этносы Кении (кикуйю, луйя, календжин, луо, камба) по отдельности не имеют количественного превосходства, а возникавшие межэтнические партийные союзы были кратковременными и накануне очередных президентских выборов неизменно распадались, так как каждый из партийных лидеров настаивал на выдвижении именно своей кандидатуры.

Переломным моментом стала президентская кампания 2002 г., накануне которой состоялось присоединение Либеральной партии Раилы Одингги (луо) к численно уступавшему Национальному альянсу Мваи Кобаки, опиравшегося на его народ ньери (этнической подгруппы кикуйю), частично камба и луйя. Обе эти политические партии в качестве самостоятельных игроков имели мало шансов на победу, однако их союз решил исход президентской гонки: возглавивший в результате Национальную радужную коалицию Мваи Кобаки подавляющим большинством голосов одержал победу над Ухуру Кениатой, тогда впервые баллотировавшимся на пост президента от КАНУ.

39 лет находившейся у власти и являвшейся в глазах оппозиционно настроенных слоев населения олицетворением авторитарного режима партии КАНУ удалось получить лишь несколько депутатских мандатов, что

позволило ей сформировать небольшую оппозиционную фракцию в парламенте.

Накануне выборов 2007 г. в партийно-политической жизни Кении сложилась ситуация, ставшая характерной и для всех ее последующих президентских кампаний, когда среди выдвигающихся на пост президента кандидатур ведущие роли достаются только двум из них, представителям численно относительно крупных этносов кикуйю и луо. При опоре на временно устойчивые межэтнические партийные коалиции фактически только эти кандидаты имеют реальные и зачастую практически равные шансы на победу. При этом существует вероятность того, что несогласие с итогами выборов проигравшей стороны, представляющей довольно значительную часть населения, вольно или невольно может послужить детонатором различного рода общественных потрясений, неизбежно принимающих этническую окраску.

Так, когда результаты выборов 2007 г. показали небольшой перевес в пользу переизбиравшегося на пост президента М. Кибакви, организованные его главным оппонентом Р. Одигой массовые акции протеста спровоцировали межэтнические столкновения, достигшие в результате кризисных масштабов. Они унесли жизни 1,7 млн человек, еще 500 тыс. остались без крова, а ущерб, который понесла экономика Кении, был самым тяжелым за весь период ее независимого (с 1963 г.) развития.

Память об этих событиях оставила неизгладимый след в летописи кенийской истории. С тех пор всеобщие выборы в Кении постоянно привлекают повышенное внимание международной общественности: ведь мирное протекание электорального процесса является залогом сохранения стабильности не только в Кении, но и, учитывая ее ведущие экономические и политические позиции в Восточной Африке, и во всем этом районе Африканского континента.

После этнополитического кризиса 2007 г., спустя 5 лет, главными претендентами на высший государственный пост в президентской кампании

2013 г. были У. Кениата (кикуйю) и Р. Одинга (луо), соперничество между которыми имело не только этническую, но и определенную личностную окраску.

Занимающие влиятельнейшие позиции в политическом истеблишменте современной Кении, они являются потомками двух политических династий, основателями которых были первый президент независимой Кении Джомо Кениата и ее первый вице-президент Огинга Одинга. Соратники в борьбе за предоставление Кении независимости в союзе кикуйю-луо, впоследствии в борьбе за власть те оказались непримиримыми врагами. Теперь же за власть боролись их сыновья.

Покинувший КАНУ, превратившуюся после поражения в 2002 г. в карликовую партию локального типа, У. Кениата возглавлял Юбилейный альянс, опиравшийся в основном на кикуйю и выступавших во время событий 2008 г. на стороне Р. Одинги календжин. Голоса этого этноса обеспечил Вильям Руто, которому У. Кениата предложил баллотироваться в тандеме с ним на пост вице-президента.

Аналогичное предложение Р. Одинга сделал камба Калонзо Мусиоке, который покинул альянс У. Кениаты и примкнул к Коалиции за реставрацию демократии, основной костяк которой составляли луо.

На этих выборах впервые в Кении для подсчета голосов избирателей и слежения за ходом голосования были использованы высокие технологии. Однако серверы избиркома неоднократно выходили из строя, и итоги выборов, в конце концов, были подсчитаны вручную. Длившиеся почти неделю, они выявили преимущество У. Кениаты, набравшего 50,07% голосов, что соответствовало конституционной норме, предусматривающей результат в 50% плюс один голос достаточным для получения поста президента без повторного голосования. На этот раз свой проигрыш Р. Одинга оспаривал в Верховном суде, но его апелляция была отклонена.

8 августа 2017 г. кенийцы голосовали в пятый раз после введения многопартийной системы и второй – за прежних претендентов на

президентский пост – У. Кениату, переизбиравшегося на новый срок, и Р. Одингу, неизменно выступающего на стороне оппозиции.

Хотя предыдущие президентские выборы, за исключением отдельных протестных выступлений несогласных с итогами выборов и локальных вспышек насилия, прошли относительно спокойно, в самых различных кругах кенийского общества не было твердой уверенности в повторении этого же сценария. Поводом для пессимизма была явная демонстрация обоими претендентами своей твердой решимости фактически пойти ва-банк для победы на выборах, которая означала для них не только приобретение власти как таковой, но и должна была также стать как бы наглядным подтверждением их социального и личного престижа.

Для У. Кениаты необходимо было убедить оппозицию в легитимности его избрания в 2013 г. в первом туре при столь малоубедительных, по ее мнению, фактически колеблющихся на грани статистической погрешности, показателях его поддержки большинством избирателей. В то же время 74-летний Одинга, чувствовавший, что его время уходит, вряд ли мог вновь спокойно смириться с проигрышем своему 55-летнему сопернику в династическом противостоянии.

Пообещав в преддверии выборов, что в случае победы останется президентом только на один срок, он смог заручиться поддержкой практически всех представляющих крупные этносы политических лидеров (включая тех, кто уже заявил о своем намерении баллотироваться на пост президента в 2022 г.), недовольных своим маргинальным положением в условиях сложившегося после победы У. Кениаты и В. Руто доминирования кикуйю-календжин в общественной жизни Кении. В результате под его эгидой было сформировано широкое межэтническое объединение политических партий, получившее претенциозное название Национальный сверх-альянс (National Super Alliance, NASA), опиравшийся на луо, камба, луйя и некоторые другие народности.

Как показывали опросы населения, шансы у У. Кениаты и Р. Одинги накануне прошедших в августе 2017 г. президентских выборов были практически равными. Такая фактически патовая ситуация неизбежно способствовала нагнетанию напряженности общественно-политической обстановки в стране, и когда избирком объявил результаты голосования – 55% против 44% в пользу У. Кениаты, в главных оплотах сторонников Р. Одинги, столичных трущобах Матаре и Кибере, а также в Кисуму на западе Кении, начались акции протеста. Фактически они ожидались властями, заранее принявшими меры предосторожности, мобилизовав для охраны порядка во время выборов 180 тыс. полицейских и представителей сил безопасности. Их действия по подавлению беспорядков с помощью слезоточивого газа и огнестрельного оружия унесли жизни 29 человек, число раненых осталось неизвестным.

Выжидательное неустойчивое затишье наступило после подачи командой Р. Одинги в Верховный суд ходатайства о пересмотре результатов голосования, в котором были приведены доказательства фальсификации итоговых данных путем взлома компьютерной системы подсчета голосов в результате хакерской атаки.

Обоснованность кассации была признана четырьмя голосами против двух, и 1 сентября высший судебный орган Кении огласил свое решение, которое ряд аналитиков назвал историческим: впервые в Африке результаты голосования на президентских выборах были признаны лишены юридической силы и аннулированы.

Повторное голосование назначено на 26 октября 2017 г.

Н.Ф. Матвеева,
н.с. Центра изучения проблем переходной экономики
Института Африки РАН